

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРЕССЫ: ПРОЕКТ ОСНОВАНИЯ ГАЗЕТЫ «КОЛОКОЛ ДУХОВНЫЙ» (1898–1899 гг.)

М. В. МЕДОВАРОВ

Аннотация: История православной периодической печати в России, включая как издания Священного Синода, епархий, духовных учебных заведений, так и частную прессу церковной ориентации, исследована далеко не в полной мере. Особенно интересен в этом плане случай нереализованного замысла издания Алексеем Филипповым газеты «Колокол духовный», относящийся к трудному периоду в истории церковной прессы на рубеже XIX–XX вв. Статья посвящена анализу предпосылок обращения А. Ф. Филиппова за разрешением на открытие собственной газеты. Исследование основано на архивных материалах из фонда Главного управления по делам печати, а также из рукописного фонда С. А. Рачинского. В статье рассматривается история возникновения такого замысла у Филиппова, программа предполагаемой газеты, контакты с представителями государства и Церкви: К. П. Победоносцевым, С. А. Рачинским, М. П. Соловьевым, великим князем Сергеем Александровичем и другими ответственными лицами. Особое внимание уделено своеобразным взглядам Филиппова на задачи прессы вообще, на проблемы коммерциализации и опошления массовых газет, на «национальный вопрос» в журналистике. Показаны его непоследовательность и определенное лицемерие в ряде вопросов. Делается вывод о том, что непреодолимых препятствий к разрешению газеты «Колокол духовный» (позже «Колокол») в 1898–1899 гг. не было, однако общее нежелание великого князя Сергея Александровича разрешать новые газеты в Москве привело к отрицательному ответу Главного управления по делам печати на ходатайства Филиппова. Вместе с тем Филиппов извлек уроки из данной ситуации и в дальнейшем успешно находил пути к приобретению ряда газет и журналов.

Ключевые слова: церковная пресса, Главное управление по делам печати, А. Ф. Филиппов, К. П. Победоносцев, С. А. Рачинский, великий князь Сергей Александрович, «Колокол духовный», «Русское обозрение».

© Медоваров М. В., 2021.

Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 100. С. 47–65.

История церковной прессы в России XIX — начала XX века — обширное исследовательское поле, до сих пор изученное фрагментарно. За исключением истории отдельных православных журналов и газет, к общим вопросам церковной периодической печати обращаются достаточно редко¹. Между тем рубеж веков был временем ее бурного роста: в 1895 г. в России насчитывалось 120 христианских газет и журналов на русском языке, а в 1914 г. — уже 278 (из них 107 издавались непосредственно Русской Православной Церковью)². Диссертация и монография К. Е. Нетужилова внесли важный вклад в классификацию видов православной периодики Российской империи³, хотя подверглись критике за серьезные источниковые и историографические упущения⁴. При всем количественном росте церковной печати рубеж XIX—XX вв. был непростым периодом для нее: К. П. Победоносцев способствовал закрытию таких популярных изданий, как «Церковно-общественный вестник», «Православное обозрение», «Восток»⁵. Хотя в это время возникали новые печатные органы (например, «Богословский вестник») и их общее количество росло, безусловно, далеко не все замыслы по основанию таковых увенчивались успехом. В условиях, когда история даже видных органов периодической печати православной направленности во многом еще не написана, вряд ли стоит удивляться отсутствию исследований интересных неосуществленных проектов таких изданий⁶. Разумеется, нет сведений о таких проектах и в библиографических справочниках⁷. Между тем, иногда неопубликованные материалы по нереализованным газетам и журналам могут немало сказать об атмосфере в социально-политической и религиозной жизни России рубежа веков.

Любопытной как по своей программе, так и по обстоятельствам ее итоговой неудачи стала попытка издания А. Ф. Филипповым (1869–1936) газеты «Колокол духовный» в 1898–1899 гг. Историю данного замысла можно восстановить

¹ См.: Фирсов С. Л. Церковь в Империи: Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 265–279; Мясникова Г. В. Борьба за трезвость на страницах церковной прессы начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-2 (23). С. 102–106.

² Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 266, 268.

³ Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX — начала XX веков (историко-типологический анализ): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010; Он же. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.

⁴ Сухова Н. Ю. Рец.: Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: изд-во СПбГУ, 2008 // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2009. № 1(25). С. 119–125.

⁵ Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 226–227.

⁶ Относительно светской периодики см., например: Жиякова Н. В. Первые неосуществленные проекты частных газет города Томска (1860-е годы) // Информационное пространство Тюменской области: сб. научно-практических работ. Тюмень, 2012. С. 18–27.

⁷ Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916: в 4 т. Л.: ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958–1961; Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати. 1703–1900 гг. (материалы для истории русской журналистики). Пг.: АО типографского дела, 1915; Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): справочник. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2.

на основе ее дела в фонде Главного управления по делам печати (ГУДП), а также писем самого Филиппова. Информация о «Колоколе духовном» отсутствует даже в разделе «Проекты» наиболее полного справочника церковной периодики Г. Л. Андреева — единственного библиографического издания, в котором вообще была предпринята попытка собрать сведения о неосуществленных проектах новых изданий⁸. При этом следует иметь в виду, что Г. Л. Андреев в эмиграции не имел возможности обратиться хотя бы к описям фондов ГУДП для выявления перечня таких случаев. К. Е. Нетужиллов в своем рассмотрении «частной православной прессы 1880—1890-х годов» ограничился анализом «Русского паломника» и не касался никаких неосуществленных проектов православных периодических изданий. Правда, он упомянул П. П. Сойкина как спонсора «Русского паломника»⁹, а типография Сойкина издала в 1897 г. одну из книг в переводе и с предисловием А. Ф. Филиппова¹⁰. Обратимся к рассмотрению обстоятельств возникновения у Филиппова замысла основания новой православной газеты и причин его конечной неудачи.

В сентябре 1898 г. прекратилось издание «Русского обозрения» А. А. Александрова — журнала, которому А. Ф. Филиппов посвятил более двух лет жизни. Он стал предпринимать шаги с целью приобретения прав на это издание, однако основное внимание решил уделить иному проекту. Работа помощником адвоката не удовлетворяла амбициозного журналиста, и Филиппов решил попробовать свои силы в качестве издателя и редактора газеты с выраженным уклоном в церковную тематику. 16 августа 1898 г. он отправил свое первое письмо С. А. Рачинскому — влиятельному православному педагогу, известному в том числе по статьям в «Русском обозрении»¹¹. Это письмо было полно откровенной лести и преувеличений, заверений в том, что Филиппов якобы являлся поклонником Рачинского с детства, что он еще в гимназии читал его записки о посещении Нило-Столобенской Пустыни (что невозможно хронологически). Написать незнакомому человеку, хоть и близкому к К. П. Победоносцеву (которого Филиппов уже знал лично), его вынудил именно замысел издания газеты. Филиппов объяснял: «В настоящее время я... нуждаюсь в совете и не нахожу лучшего советника, чем Вы. Случайные обстоятельства дают мне возможность располагать небольшими деньгами — тысяч около 30 — которые, согласно воле лиц, снабдивших меня ими и моему давнишнему желанию, я мог бы употребить на полезное и патриотическое дело. Таким делом я считаю церковно-приходскую школу. <...> В видах этих мною задумано... издание газеты “Колокол духовный”, в чисто русском духе, долженствующей прежде всего и лучше всего уделять места России и *положительным* проявлениям внутренней нашей жизни (ах, как надоела глупая полемика, издевательство и обличения без конца!), в т. ч. и развитию нацио-

⁸ Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801—1917 гг.: Библиографический указатель. New York, 1998. Т. 2. С. 245.

⁹ Нетужиллов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX — начала XX веков (историко-типологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 42.

¹⁰ Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах (Путешествие на остров Колгуев) / пер. с англ. А. Филиппова (с 13 рисунками и картой). СПб., 1897.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 100. Л. 197—197 об.

нального самосознания, в чем бы оно ни выражалось: в искусстве, литературе или самой жизни. На первом же плане должна стоять церковь и школа, под ее сенью развивающаяся»¹². Основной целью будущей газеты ее инициатор называл пропаганду в обществе церковно-приходской школы. Филиппов признавался: «Не знаю, хорошо ли проектировано. <...> Программа у меня почти готова. Не захотите ли видеть ее и не разрешите ли мне повидаться с Вами, не дадите ли советов? У нас царит либо дух деловитости с примесью наживы, либо апатии. И того, и другого я чужд. А Ваше ободряющее слово было бы елеем, помазующим на подвиг. Известите по адресу в редакцию “Московских ведомостей”, смею ли я рассчитывать на ваше благосклонное внимание»¹³.

27 августа 1898 г. Филиппов выражал благодарность Рачинскому, ходатайствовавшему о проекте его газеты перед графом С. Д. Шереметевым, председателем Общества памяти Александра III, хотя считал такой путь бесполезным ввиду пассивности данной организации¹⁴. По мнению Филиппова, немалый капитал Общества «разжигает аппетиты разных людишек, прежде всего о пироге думающих. Какое же там издание — там будет грабеж! У меня же дело скромное, тихое, главное, личное — точно лавочка, где продавец образков, затеплив лампаду, сам умиляется своему изделию больше, нежели случайный посетитель»¹⁵. Говоря о проекте «Колокола духовного», Филиппов полагал, что «можно *поставить* газету при помощи обширных средств и связей, но *следует* ее создавать органическим трудом, так, чтобы она была полита каплями пота и озарена искрами убеждений». Он сообщал Рачинскому: «Как мне поступать *лично*, я определил с начала и до конца. Подготовился к издательству я уже давно. В течение пяти лет я на практике и весьма внимательно изучал положение современной прессы и технику газетного дела, последовательно перекочевывая из “Русских ведомостей” в “Русскую мысль”, оттуда в “Русское обозрение” и в “Московские ведомости”»¹⁶. Хвалясь составлением росписей содержания восьми русских журналов за 20 лет, Филиппов заключал: «Всё это отразилось на моем идейном содержании, а суровая школа пребывания в “Русском обозрении” и “Московских ведомостях” выработала некоторую технику письма и умение глядеть на людей без розовых стекол. Прибавьте к этому еще качества отрицательного свойства — веру в дело как в служение народу и памяти покойного Государя, а не способ наживы, и веру в себя, доходящую до самомнения — кажется, после этого позволительно говорить об издании»¹⁷.

Отрекомендовавшись таким образом, как стойкий патриот Филиппов обращался к Рачинскому с просьбой «попользоваться вашим *кладом духовного материала, проникнутым народным чувством и церковностью высшего порядка*». «Это драгоценнее, нежели газетная техника, которую теперь знает каждый ребенок — и сколько их развелось в газетах — поучающий мужика культуре и снис-

¹² ОР РНБ. Ф. 631. Д. 100. Л. 197 об. — 198.

¹³ Там же. Л. 198—198 об.

¹⁴ Там же. Л. 223.

¹⁵ Там же. Л. 223 об.

¹⁶ Там же. Л. 224—224 об.

¹⁷ Там же. Л. 224 об. — 225.

ходительно треплющий по плечу православие», — писал Алексей Фролович, по своему обыкновению скрыв собственное еврейское происхождение. Он уверял Рачинского, что в России стала ощущаться потребность в новом органе печати в истинно русском духе: «Отчасти это подтверждается увеличивающимся появлением изданий вроде Русского слова, Русского листка, Народного блага, Знамени и т. д. (всё это в Москве!) с аляповатой, но несомненно национальной окраской. И несмотря на убожество содержания, которое не закрывается начинкой из звонких и ходячих фраз в передовых статьях, эти издания успех имеют»¹⁸. Филиппов мечтал превзойти их и уверял своего адресата, что подобранные сотрудники весьма обнадеживают: «Скажу просто: пять, семь человек, *верных русским* началам, русских по происхождению — клятву дал не пускать в издание ни под каким видом инородцев — а главное, знающих в разных специальностях, подобранны». Пройдет всего два года, и он публично начнет утверждать прямо противоположный тезис, а пока что Филиппов считал, что для его газеты «более или менее обеспечена толковость в отделах внутреннего государственного и общественного устройства, финансов и политической экономии; сельского хозяйства и фабрично-заводской промышленности; народного образования, церковного устройства и управления»¹⁹.

Цену годовой подписки на «Колокол духовный» Филиппов хотел установить в размере 10 руб., иначе, по его словам, «ее захлестнет своими интересами улица и мы принуждены будем *неволью* подлаживаться ко вкусам толпы». Он жаловался на то, что при М. П. Соловьеве, возглавлявшем ГУДП с 1896 г., появилось много сомнительных газет: «У нас разрешают газеты кому угодно и с каким угодно направлением, если издатель лицо с весом или протекцией. Для тех, кто не обладает ни тем, ни другим, некоторые лица специально торгуют разрешениями. Но я не хочу идти этим путем. Другого же нет»²⁰. Весьма смело в письме Рачинскому Филиппов обсуждал действия властей и допускал резкие выпады в сторону В. А. Грингмута, в «Московских ведомостях» которого на тот момент он сам сотрудничал. В заключение публицист подчеркивал, что издавать газету церковной направленности он из принципа может только в Москве: «“Колокол духовный” в Петербурге всё равно что “Кремль” Иловайского в Варшаве — идеи несочетаемые»²¹.

Обеспокоенный двумя письмами Филиппова, Рачинский спросил Победоносцева о том, кто это такой и можно ли ему доверять. 30 августа 1898 г. обер-прокурор Св. Синода ответил: «Он мне известен, бывает у меня. <...> У него, несомненно, есть талант, и он терся много в московских кружках молодежи университетской и газетной. Намерения его хорошие, но не знаю, насколько обтесалась и утвердилась мысль его, воспитавшаяся в “пререканиях московских языков”. К тамошним искателям истины и искусства он относится критически, но затем что есть — не знаю, и вообще не могу себе представить человека, который мог бы издавать *верно* и разумно задуманную по духу газету. Конечно, Филиппов

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 100. Л. 225.

¹⁹ Там же. Л. 225 об.

²⁰ Там же. Л. 226.

²¹ Там же. Л. 226 об.

все-таки пригоднее, нежели Берг — для этого дела»²². После такой рекомендации Рачинский отправил Филиппову приветственное письмо. Тот, ободренный этим, 15 сентября 1898 г. подал в ГУДП ходатайство о разрешении издавать в Москве газету «Колокол: вестник жизни церковно-государственной, народно-общественной и частной» с подписной ценой 10 руб. в год по России (15 руб. за границу), 6 руб. за полгода. Помимо правительственных сообщений, телеграмм, корреспонденций, научных, художественных, критических статей в газете предполагались «передовые статьи руководящего и пояснительного характера по вопросам религиозной, государственной и общественной жизни как России, так и других государств; по вопросам просвещения, финансовым, политико-экономическим, сельскохозяйственным и промышленным, обсуждаемым у нас и за границей», а также новости, обзор повременной печати, текущих событий «из жизни столиц и провинциальных городов», отчеты о заседаниях различных обществ, выставках, биржах. Печатать новую газету предполагалось в типографии Русского товарищества издательского и печатного дела на Чистых прудах. Филиппов претендовал на должность редактора и издателя, но обратился с необычной просьбой: «*Прошу ходатайствовать о присвоении мне вместо иностранного названия редактор названия руководитель, что составит в моей подписи следующее сочетание: руководитель и издатель А. Ф. Филиппов*»²³.

К официальному ходатайству Филиппов приложил личное письмо М. П. Соловьеву на 15 страницах с объяснением своих намерений. Он начал с суровой критики тогдашней прессы: «В сердце России печатается множество газет, но едва ли я ошибусь, если скажу, что незначительное количество из них способно удовлетворить современным требованиям — не публики, ибо она удовлетворена и тем, что дается ей, а требованиям и запросам жизни государственной и общественной. Да и мудро было бы ждать этого от газет, в большинстве преследующих цели наживы каким бы то ни было способом, прибегающих к таким приемам, в результате которых у публики является недоверие к печати, возрастает пренебрежительное и легкое отношение к предметам, заслуживающим по крайней мере почтения»²⁴. Речь шла о некомпетентности прессы в церковных темах: «Вопросы и дела церкви в доброй половине газет отсутствуют, в некоторой части их открыто третируются, и лишь в небольшой отражаются в виде репортажных заметок о крестных ходах, молебствиях и перепечаток циркуляров представителя Св. Синода. Но жизнь обществ церковных, дух их, проявление благочестия народных масс ускользают от ежедневной прессы, ею не ощущаются. А что может быть важнее этого в настоящее время, когда вера, колеблемая вихрями либеральных идей и подмываемая отдельными течениями общественной жизни, составляя опору русской народности, ее живое основание, может быть спасена только через церковь и ее служителей, при сильной поддержке их со стороны верующих и *при постоянном ознакомлении их с успехами деятельности в этой сфере*»²⁵. Филиппов провозглашал: «Чтобы быть на страже духов-

²² ОР РНБ. Ф. 631. Д. 100. Л. 101–102.

²³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Л. 4–4 об.

²⁵ Там же. Л. 4–5.

ных интересов русского народа в его религиозных и церковных вопросах, нами предпринимается настоящее издание. Дай Бог, чтобы оно послужило не только “вестником” жизни для тех, кто не устранил чувства веры и не порвал связи с русской народностью, но и “призывом” к возврату в лоно церкви и прародительских преданий старины для тех, кто дерзнул уклониться от них, но не отпал. Понятно поэтому, что *значительное место в газете будет отведено вопросам веры и церкви*²⁶. Он обещал М. П. Соловьеву перепечатку материалов из других газет и «оригинальные статьи знатоков церковности и вероисповедности», но при этом подчеркивал, что «Колокол духовный» *«сохранит вполне светский характер»*. Отмежевываясь от юрисдикции церковной цензуры, Филиппов указывал, что газета будет писать о церковных делах *«не для того, чтобы придать духовный облик газете, а для того, чтобы оттенить ее направление»*. К этому уже приняты меры, и, быть может, дружный натиск чисто русских людей сумеет противопоставить растленному духу современной порнографической и капиталистической прессы дух православия²⁷.

Не обошел стороной Филиппов и вопрос образования: «Как фактор, способствующий укреплению и насаждению в сердцах подрастающих поколений веры и народного чувства, церковно-приходская школа, имеющая широкую будущность и великое значение, всенепременно должна быть усилена и подержана печатью, именно теперь, на первых порах ее существования. “Колокол” *предполагает*, пользуясь своим светским характером и рассчитывая на широкую популярность, *знакомить массы с развитием этого рода школы, уясняя ее силу и отмечая успехи*»²⁸. Филиппов заверял, что сведения о школах для публикации в газете он уже запросил у ряда архиереев и у Победоносцева. Помимо этого, он обещал создать в своей газете развитый отдел искусства, художественной, музыкальной, театральной критики, без коммерциализации данной сферы²⁹, а также раздел истории России, с опорой на отечественные исторические романы и повести: *«Мы имеем твердое намерение, а скажу более, возможность пополнить этот пробел наших серьезных газет и путем постоянного и разнообразного чтения по отечественной истории перейти к разъяснению настоящего под углом зрения прошедших веков»*³⁰.

Однако Филиппов не мог выдержать до конца оптимистический тон, говоря о своей будущей газете. Он был вынужден признаться М. П. Соловьеву в недостатке финансов: *«Запас денег, с которым мы вступаем, не превышает 30 и в самом лучшем случае 40 тысяч»*. Однако твердое упование мы возлагаем в этом случае не на деньги, а на помощь Божию и на бескорыстие сотрудников». Они, по замыслу Филиппова, должны были в течение первого года издания работать чуть ли не бесплатно. При этом он заявлял, что уже подобрал в сотрудники *«лиц преимущественно с высшим образованием и наполовину из профессоров и притом исключи-*

²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 5–5 об.

²⁷ Там же. Л. 5 об.

²⁸ Там же. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 6–7.

³⁰ Там же. Л. 7 об.

тельно русских по происхождению»³¹. «Неудача возможна, но не неизбежна», заверял он Соловьева. Филиппов утверждал, что в «Колоколе» будет отсутствовать «балласт» в виде некоторых обычных газетных рубрик: хроника происшествий, фельетоны на злобу дня «с ушатами помой и грязи», уголовная хроника (чтобы не представлять жизнь в России в черном цвете), а также иностранные известия, которым российская пресса уделяла непомерно много внимания.

Публицист восклицал по адресу современной печати: «Кто может увлечься той картиною России, которую показывает, испуская зловоние обличений, еврейская пресса en masse при трубных звуках заученных и неумело составленных гимнов самодержавию, которые издает другая часть прессы!!»³² Отмежевываясь не только от либеральной и революционной печати, но и от крайне правых «Московских ведомостей» и «Гражданина», Филиппов представлял замысел своего «Колокола» как умеренно консервативного органа: *«Оставаясь по существу глубоко православными и неизменными поклонниками той формы правления, которая составляет историческое наследие нашего государства и характеризует технические особенности нашего народа, мы позволим себе на первых порах воздержаться от провозглашения каких бы то ни было profession de foi и воздержимся от выкрикиваний по поводу дорогих сердцу русских понятий.* Самодержавие есть скрижаль, на которой начертаны заветы нашему народу с проповедями оправдания ее бытия и выяснения сущности самодержавной власти: учреждение божественное, она не нуждается в оправдании, если только последним не хотим дискредитировать эту форму правления; заключаясь в психике русского народа, самодержавие, форма единственно мыслимая для него, понятна сама по себе, без объяснений»³³. Данная цитата, несмотря на неуклюжее построение фраз, очень важна для понимания позиции Филиппова. Несомненно, он уже тогда был готов пойти на публичный оппортунизм, провозглашая внепартийность своих печатных органов, как он это будет делать позже и с «Русским обозрением», и с «Дымом Отечества». Однако в глубине души он был сторонником православной самодержавной монархии, вслед за своим кумиром Победоносцевым считая ее обоснование во многом иррациональным и не подлежащим защите в форме логической системы или публичной полемики в печати. Филиппов обещал рассматривать в «Колоколе» жизнь России *«при свете православной веры и с точки зрения самодержавного порядка»*. Он провозглашал: *«Мы намерены в частности выяснять принципы нашей духовной и государственной жизни — задача, завещанная народолюбцами Аксаковым и Гиляровым-Платоновым. Памятуя их заветы, мы устраним со столбцов газеты личную полемику, чесоточную критику и грязь изобличений»*³⁴.

Обращаясь к М. П. Соловьеву как представителю власти, Филиппов ставил вопрос ребром. Если его мысли «не кажутся противоречащими правительственным начинаниям, не противными духу, который проникает все слои русского общества и правительства и достойными внимания», то в таком случае он просил «содействия в возможно скором осуществлении моих планов. Личность

³¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 8.

³² Там же. Л. 9.

³³ Там же. Л. 9 об.

³⁴ Там же. Л. 10.

моя, конечно, не блещет титулами, не ознаменовала себя учеными трудами, но я готов положить свой труд и жизнь на пользу родины так же спокойно, как клали мои предки»³⁵. Ссылаясь на трехлетнюю работу под руководством лучших профессоров-юристов и пятилетний стаж журналиста, Алексей Фролович убеждал начальника ГУДП: «Я предьявляю скромное желание иметь право иметь голос среди тысяч других голосов, принадлежащих иногда к лицам полуобразованным и с сомнительным прошлым. *Чисто русский человек по происхождению и убеждениям, ни в одном из политических или предосудительных в частном смысле дел не участвовавший, я смею рассчитывать если не на преимущество, то на равенство с еврейским и польским элементом, наводняющим нашу прессу*»³⁶. В случае отказа в издании «Колокола» Филиппов угрожал властям печальными последствиями: «Я покорюсь участи русского человека, не равнодушно, но покорно взирающего на то, как Россия превращается в *Land* для иностранцев, не делающих исключения и для прессы. Записка эта будет свидетельствовать истории, до какой степени одному из сынов нашей родины хотелось видеть в ней Русь и как много усилий нужно было сделать для того, чтобы сметь всенародно исповедовать национальный символ веры»³⁷. Эти слова сбылись — по прошествии более чем столетия мы обращаемся к его письмам как к историческому документу и удивляемся его энергичности и тем трудностям, на которые постоянно наталкивалось стремление этого вполне лояльного самодержавию журналиста издавать собственные органы печати.

В тот же день, 15 сентября 1898 г., Филиппов сообщил Рачинскому о подаче прошения в ГУДП и иронизировал: «Разрешат — великолепно, не разрешат — перехожу в немцы, как острил Ермолов. Русскому человеку нельзя работать в России!»³⁸ Вскоре после этого Алексей Фролович совершил поездку на Холмщину с целью критического изучения положения там православного духовенства. По возвращении в Москву он обнаружил, что его просьба об издании газеты нисколько не продвинулась. 8 октября он жаловался Рачинскому на противодействие ГУДП: «Микроб препятствия и противодействия начинаниям в русском духе царит на всем пространстве России, но преимущественно гнездится в Петербурге. Там всегда склонны одной рукой похлопать и поощрить, другой — осмотреть карман и задержать, оставить под подозрением. Не относя эти слова к частному случаю — М. П. Соловьеву, который стоит выше всяких подозрений в мздоимстве, — я боюсь, что микроб подозрения остановит и мои начинания и так их разложит, развеет, что потом совестно будет припоминать свои героические буффонады по поводу газетного дела и издания «Колокола»»³⁹.

Отвечая на жалобы Филиппова на упадок современной прессы, Рачинский писал: «Хаос не может быть устранен *добросовестной журналистикой*, но лишь появлением писателей с ясной мыслью, доброю волею и *талантами выдающи-*

³⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 10 об.

³⁶ Там же. Л. 10 об–11.

³⁷ Там же. Л. 11–11 об.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 101. Л. 74.

³⁹ Там же. Д. 102. Л. 37 об. — 38.

мися, которые задали бы этому расстроенному хору надлежащий тон»⁴⁰. Мыслитель решительно не согласился с этим: «Куда же мне деваться теперь, когда Вы требуете Наполеонов в газетном деле, которые бы могли соединить всю эту вавилонскую сволоочь, болтающую на разных языках — Бог жестоко наказал Россию! — и повести их по пути к устройению русского дела и земли? <...> Помоему, 9/10 русской прессы, как вообще прессы, следовало бы истребить, это сорная трава, мешающая расти здравомыслию на народной ниве. Пока читаешь одну газету, миришься с нею; берешь в руки 10 штук их, чувствуешь омерзение: столько лживого представления вызывают они в уме читателя, так мало правды и так много личных интересов пропитывает газетный лист! А когда знакомишься с руководителями прессы, приходишь в ужас»⁴¹. В данном вопросе с Филипповым был солидарен и Победоносцев, писавший: «Нет издания *цельного*, с *цельною* мыслью»⁴².

Филиппов в своем критическом рвении ставил на одну доску консервативные «Московские ведомости» и либеральные «Русские ведомости» по степени их некомпетентности в ряде вопросов: «Грингмут — педагог, классик. Может ли он руководить взглядами публики и правящих сфер на экономическую нашу политику: нет! Нужно специальное образование и непрерывное общение с деятелями финансового мира, и, главное, знание России, личным опытом и восприятием проверенное. Что-либо одно приходится делать: или хвалить то, что предпринимается правительством, или идти на авось — бумага “всё вынесет”! Что скажут “Русские ведомости” по церковному или религиозному вопросу, если им неизвестно, что такое церковь в духовном смысле и даже в телесном. Им остается молчать. Что скажут Грингмут и “Русские ведомости” по крестьянскому вопросу, если и те, и другие воочию крестьянского быта не видели иначе как на расстоянии, исключаящем возможность заразы и с надушенным платком. Если мне назовут руководителя газеты, который объехал Россию, познакомился с ее жизнью и деятелями, — я брошу свою работу и пойду поклонюсь ему в ноги. Но такого нет»⁴³.

Филиппов возмущался успехом низкопробного «Московского листка» «кабатчика» Н. И. Пастухова (тираж 45 тыс. экз.) и «Новостей дня» «цехового портновского цеха» А. Я. Липскерова. Он называл эти органы печати «притоном евреев, желающих откликаться на все общественные явления»⁴⁴, обвинял их в тиражировании сплетен, «общих мест», «порнографических этюдов и даже восклицал применительно к Липскерову: «Чему он может поучать русский народ, сидя в лапсердачной умственной атмосфере? Не православным ли догматам?!» Провинциальные газеты, по мнению Филиппова, были еще хуже московских и состояли из «полусплетен, полудоносов», а также вырезок из столичной печати. Поэтому он отвергал рецепт Рачинского: «Как сладить с этой армией, куда идти даже журнальному Наполеону? Да он будет всегда и везде разбит, ибо это

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 101. Л. 38.

⁴¹ Там же. Л. 38–38 об.

⁴² Там же. Л. 139 об.

⁴³ Там же. Л. 38 об. — 39.

⁴⁴ Там же. Д. 103. Л. 152 об.

не регулярные войска, а шайки, которых теперь боятся только потому, что они безнаказанно хватают прохожих и расправляются с ними как угодно, а читают их потому, что ищут ругани или критики на самого себя, на своего приятеля»⁴⁵. Филиппов был шокирован тем, что М. П. Соловьев считал «Московский листок» серьезной политической газетой, и обещал пойти своей, «мирной» дорогой: «Пусть чрево вещают Грингмуты, канканируют Липскеровы, избобличают Пастуховы: каждому свое место и свой удел. А впрочем, я еще подумаю, быть может, откажусь от героически-микробных мыслей, перейду только на почву последних и, ограждая себя и свое здоровье, попрошусь на казенное место. Оно верней и беззаботней!»⁴⁶.

17 октября 1898 г. Филиппов приехал в Петербург, заходил к К. П. Победоносцеву, В. К. Саблеру, по старой дружбе к В. В. Розанову, но самым важным стал визит к М. П. Соловьеву: «Он принял меня весьма любезно и обещал содействие в разрешении газеты, не забыв подчеркнуть то, что я очень молод»⁴⁷. В эти дни дело о разрешении «Колокола духовного» стало продвигаться. 16 октября ГУДП направило запрос о личности Филиппова в департамент полиции, а 20 октября — московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. В тот же день Алексей Фролович взволнованно писал М. П. Соловьеву, что ему не удалось, согласно его совету, посетить управляющего канцелярией московского генерал-губернатора В. К. Истомина, поскольку тот был болен, а великий князь находился за границей⁴⁸. «Я прихожу в отчаяние», — признавался Филиппов. «Дело, близившееся к счастливому началу после ваших ободряющих обещаний, готово отодвинуться на долгое время. Окажите содействие Вы и Победоносцев», — просил он Рачинского. По его совету Филиппов пошел на три уступки, дабы добиться разрешения на издание: убрать слово «духовный» из названия газеты (поскольку любой колокол по определению духовный); отказаться от требования переименования должности редактора в «руководителя»; разрешить розничную продажу номеров газеты по цене 5 коп. 12 ноября 1898 г. он подал новое прошение с данными поправками в ГУДП. «Я постараюсь оправдать то доверие, которым было угодно почтить меня Константину Петровичу и Вашему превосходительству», — уверял Филиппов Соловьева⁴⁹.

Между тем еще 27 октября Победоносцев разочарованно писал Рачинскому: «Филиппов подал уже просьбу о разрешении ему газеты — и ко мне пишет о ходатайстве. Но я уже столько раз обжигался на этом молоке, что теперь и на воду дую и уклоняюсь от всякого ходатайства. Что будет испускать из себя Филиппов в передовых и прочих статьях, трудно загадывать, хотя он способный человек. Но я слышал, что в Москве он в разных кругах вертелся, а кто сходил со всеми партиями, тот редко бывает тверд на своих ногах и разбирает, где чем пахнет. Притом я слышал сомнения в его бескорыстии... Обыкновенно судьба таких издателей, что они, будучи сам без гроша и без экономии, впадают в затруднения

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102. Л. 39–39 об.

⁴⁶ Там же. Л. 39 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 12–13.

⁴⁹ Там же. Л. 13 об. — 15 об.

и затем прищепляются к единому от учителей страны той, большей частью или к жиду, или к настоящему самодуру из купцов, либо, наконец, являются в министерство двора за субсидиями»⁵⁰. Эти слова оказались пророческими и сбылись в ходе всей последующей журналистской деятельности Филиппова. Было бы преувеличением сказать, что Победоносцев совершенно охладил к нему — некоторые сочувственные шаги в его сторону он все-таки еще будет предпринимать, — однако шансы получить разрешение на издание «Колокола» с этого момента явно снизились.

Цензурные препоны сильно расстроили Филиппова. Он разочарованно писал: «Я иногда серьезно думаю, не бросить ли все эти утопии, которыми одержим по дурасти? Не бросить ли это плавание с надеждой найти желанный уголок и с риском захлебнуться от недостатка сил, не лучше ли выплыть на какой бы то ни было берег? <...> Да если у меня есть таланты, они раскроются и при газетной работе. А нет их, окажусь пустоцветом, так в газетном деле хоть забвение найдешь»⁵¹. Филиппов отмечал, что оказаться бездарностью в науке или на государственной службе ему было бы «ужасно обидно», но в сфере журналистики он готов рискнуть и попробовать свои силы: «С мыслью о газетной работе я сроднился, ее изучал, ею интересуюсь. Не признавая себя талантом ни в одном отношении, я полагаю, что мог бы оценивать и, главное, *вызывать к жизни таланты* других своей внимательностью. Так безмозглые няньки успевают как-то выращивать и направлять на добрый путь способных питомцев. А газета — благодарный путь для этого»⁵².

Считая, что редактор газеты или журнала «не должен размениваться на статьи», а лишь подбирать авторов, Филиппов, безусловно, ошибался. Он судил по редакторам «бульварной прессы» типа Пастухова и Липскерова, в крайнем случае по старым редакторам либеральных журналов вроде М. М. Стасюлевича и А. А. Краевского. Однако в случае с консервативной прессой практически все ее руководители лично выступали как яркие мыслители и авторы многих публикаций в собственных органах печати. Такими были в разные годы Катков, Аксаков, Мещерский, Шарапов, Ламанский, Будилович, Гринмут, Тихомиров. Филиппов не сразу это осознал и поэтому рассуждал так: «Задача редактора состоит главным образом в *уменьи заставить* высказаться других, *подобрать* талантливых *сотрудников* и знать, *что и когда* следует *говорить*. Нужно иметь чутье. Соловьев, когда я был у него в последний раз, говорил, что у меня оно есть. А может быть, это только любезность! <...> Необходимость понять настроение публики, дать тон и *сказать* если не красиво, не умно, то по крайней мере не пошло и не грубо, *свое слово по любому вопросу*»⁵³.

Филиппов признавал, что в роли газетчика он не сможет добиться большого влияния в обществе, но приобретет «универсальную подготовку». Он объяснял Рачинскому: «Деньги — ничто, потому что они не создают возможности при помощи их сделать что-либо порядочное. Поэтому я на газетную

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102. Л. 139–139 об.

⁵¹ Там же. Л. 137 об.

⁵² Там же. Д. 103. Л. 42.

⁵³ Там же. Л. 42 об.

деятельность смотрю *как на переходную ступень* — благодаря газете, надеюсь, я приобрету связи, влияние и знание»⁵⁴. Филиппова не удовлетворяла роль «полуадвоката, полужурналиста», замкнутого в узкой московской среде и имевшего недостаточно связей в верхах. В переписке с Рачинским он хвалился: «Теперь могу писать хоть письма Вам и Константину Петровичу, и даже [великому князю] Константину Константиновичу с одинаковою смелостью, как к брату, другу, знакомому»⁵⁵. Прислушиваться, по мнению Филиппова, могут лишь к газетчику, а не к скромному чиновнику или нищему поэту. Тем не менее он признавался, что хлопочет о разрешении газеты «вяло и выжидательно» и в случае отказа готов искать спонсоров и среди зарубежных капиталистов, и среди еврейских финансистов Бердичева, и среди московских купцов. Мечтой Филиппова было обойти своих конкурентов-консерваторов, и саркастически он говорил: «И тогда нас будут бояться прохвосты, взявшие деньги за исхлопотание разрешения, негодяи, торгующие патриотическими словами, и будут уважать наши администраторы. А то что-то подозрительное: консерватор, Филиппов, простое прошение и нет признака жидов. Похоже на протест против современного режима»⁵⁶.

Филиппов обвинял консерваторов в своекорыстии: «Мы все великие деятели и патриоты до первой прибавки в жалованье или получки ордена. Затроньте этот вопрос — и патриотизм, и деятельность улетучиваются, не оставляя следов. Остается “что угодно?”»⁵⁷ Говоря о бегстве духоборов в Канаду, Филиппов заметил: «Я боюсь, как бы не тронулись вообще все русские люди в путь!»⁵⁸ К концу 1898 г. его все чаще охватывали пессимистические настроения. Например, он жаловался: «Но где же жизнь? В чем же ее поэзия? Неужели в устройстве народного театра, печатании бессмысленных (хотя я его почитатель) записок и “писем” со священником “о браке” Розанова, арестах десятков безусых юношей, полагающих, что они перевернут мир при помощи I тома “Капитала” Маркса и организации “Общества покровительства животным”, занимающегося глупыми речами и избиением собак? Куда девался Бог?!»⁵⁹

12 ноября 1898 г. Филиппов клялся Рачинскому: «Я все-таки добьюсь разрешения газеты, *но только на всякий случай* и по привычке недавно мною усвоенной — доводить дело до конца, начав его»⁶⁰. 17–18 ноября по случаю приезда в Москву великого князя Сергея Александровича В. К. Истомин вызвал Филиппова на разговор о судьбе его газеты. Однако «великий князь отложил разрешение вопроса о газете до личного свидания в Петербурге с Соловьевым и Победоносцевым». В этой связи 1 декабря Филиппов просил Рачинского замолвить за него слово перед обер-прокурором Синода: «Вопрос — признают ли меня достойным этой миссии — этот вопрос чрезвычайно для меня важен. Если жиды,

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103. Л. 43.

⁵⁵ Там же. Л. 43–43 об.

⁵⁶ Там же. Л. 112 об.

⁵⁷ Там же. Л. 112.

⁵⁸ Там же. Л. 112 об.

⁵⁹ Там же. Л. 135 об.

⁶⁰ Там же. Д. 103. Л. 44.

полуграмотные, цеховые, кабатчики, торговцы-лубочники, конторщики имеют в Москве свои органы печати, то почему я не могу иметь этого права?»⁶¹

30 ноября департамент полиции направил в ГУДП положительный отзыв о Филиппове. В тот же день он побывал у В. К. Истомина, который сообщил, что великий князь Сергей Александрович 6 декабря в Петербурге должен встретиться с М. П. Соловьевым и принять окончательное решение. Товарищ министра внутренних дел также представил положительную резолюцию: «Ввиду благоприятного отзыва департамента полиции и образовательного ценза просителя, а равно принимая во внимание, что Филиппов состоит сотрудником “Московских ведомостей” и известен как человек вполне благонамеренного образа мыслей, ГУДП полагало бы удовлетворить данное ходатайство»⁶².

Желая доказать свою пригодность как редактора-издателя, Филиппов решил прибегнуть к старым рекомендательным письмам, которые ему в 1895–1896 гг. выдавали его наставники: профессор И. Т. Тарасов, генерал А. А. Киреев и другие. Теперь, 7 декабря 1898 г., он хотел предъявить их в ГУДП и показать другим именитым лицам (А. А. Столыпину, П. В. Жуковскому, Д. А. Хомякову)⁶³. Вдобавок Филиппов решил принести в ГУДП перечень своих студенческих дипломных и конкурсных работ, награжденных медалями. Он восклицал: «Если их издать, в Петербурге иначе бы взглянули на меня!»⁶⁴

В отчаянии Филиппов попытался также заручиться поддержкой братьев Владимира и Дмитрия Грингмутов, намереваясь превратить свой «Колокол» в своеобразный придаток «Московских ведомостей»: «Они помогут поставить дело на надлежащий путь и дадут возможность пользоваться хотя бы на первый год содержанием “Московских ведомостей” — но неловко и неудобно это держать в секрете от близких мне лиц важного дела»⁶⁵. При этом в частном письме Филиппов не стеснялся выражать свою прежнюю ненависть к Грингмуту, который отрицал его прежние заслуги в «Московских ведомостях»⁶⁶. Более того, по требованию МВД Грингмут согласился назвать имя бедного томского студента, бывшего семинариста — автора критической статьи в «Московских ведомостях», в то время как Филиппов просил не допускать, чтобы это имя стало известно Министерству просвещения, дабы студент не был отчислен⁶⁷. Он так объяснял свою позицию: «Будучи сторонником сильных и решительных мер, я люблю соединение свободы действий с силой репрессии — “дабы другим неповадно было!!!” Таким путем образуется энергия жизни, осмысленность ее и осмотрительность. <...> Тогда бы все чувствовали твердость правительственного направления. Теперь же от этих полумер половина прессы лает на правительство, другая подвывает каждому его мероприятию. Получается какая-то собачья симфония!»⁶⁸

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103. Л. 135.

⁶² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 16, 23–24.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103. Л. 151.

⁶⁴ Там же. Л. 150 об.

⁶⁵ Там же. Л. 17 об.

⁶⁶ Там же. Л. 151.

⁶⁷ Там же. Л. 249 об.

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103; Д. 104. Л. 190 об.

Ссылаясь на происки врагов консерватизма, Филиппов умолял М. П. Соловьева убедить великого князя пойти ему навстречу. Он настолько волновался, что заранее уплатил за Соловьева цену ответной телеграммы и 21 декабря 1898 г. требовал поскорее сообщить ему окончательное решение по поводу «Колокола». Однако все усилия оказались тщетны: 22 декабря великий князь сообщил в МВД, что не намерен разрешать в Москве вообще никакие газеты универсальной тематики: «Несмотря на полученные благоприятные полицейские сведения о личности Филиппова, который состоит сотрудником “Московских ведомостей” и “Русского обозрения”, я со своей стороны не признавал бы означенное ходатайство подлежащим удовлетворению ввиду известных Вашему высокопревосходительству моих взглядов на возникновение в Москве новых газет и журналов»⁶⁹.

24 декабря Филиппов вновь приехал в Петербург, где «святочное веселье и отдых для чиновников не позволяли злоупотреблять своей провинциальной простотой»⁷⁰, и 28 декабря посетил Победоносцева. «Упоительный старик! — восклицал Филиппов. — Вот где победа духа над плотию. Поговоришь с ним — начинаешь чувствовать силы в себе. Начал он по обыкновению с критики и нападок. Нашел, что я провалюсь, что ничего не сделаю и т. д., потом в середине дал несколько советов, обличающих в нем и ум, и практичность, а в конце, добродушно, уже как отец, распекий достаточно сына, к которому он привязан, заключил пожеланиями успеха и приветствиями. Через полчаса буду у [М. П.] Соловьева — узнаю результаты ходатайства»⁷¹. В тот же день Соловьев подтвердил Филиппову отрицательный ответ. Тот попросил в таком случае разрешить издание «Колокола» не в Москве, а в Петербурге. Однако новое прошение поначалу даже не было зарегистрировано в ГУДП, где это обосновали его «молодостью лет» и сказали, что не желают видеть в Москве еще одну «большую политическую газету». В. К. Истомина просил Филиппова «иметь некоторое терпение» и пояснил, что великий князь Сергей Александрович «вообще не видит в нынешней прессе ничего достойного, заслуживающего поощрения, притом памятные примеры превращения газет одного направления в другое»⁷². Это был намек на судьбу «Русского слова», перешедшего от А. А. Александрова к И. Д. Сытину с прямым нарушением обязательств перед ГУДП по сохранению редакцией направления газеты. Вместе с тем отказ Истомина не был окончательным: в беседе с Филипповым в феврале 1899 г. он сказал, что в случае положительных отзывов К. П. Победоносцева и М. П. Соловьева великий князь все-таки может передумать и разрешить «Колокол». Однако Филиппов уже знал, что Победоносцев, симпатизируя ему, не желал оказывать активной поддержки в серьезном деле: «Грустно было и равнодушие Константина Петровича к этому делу, и его скептицизм к русской действительности — как будто скептицизм что-то создает?»⁷³

Ходатайство Филиппова о разрешении издавать «Колокол» в Петербурге было передано через Н. Н. Корсунского в ГУДП лишь 31 марта 1899 г., с опо-

⁶⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 21.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103. Л. 250 об.

⁷¹ Там же. Л. 250.

⁷² Там же. Л. 186 об.

⁷³ Там же. Л. 185 об.

зданием на три месяца, причем предполагалось сохранение в неизменном виде прежней программы этой газеты и прежних цен на подписку. Но все было тщетно. 10 апреля Филиппов восклицал, что в России закрывают дорогу людям с убеждениями, что князь Н. В. Шаховской выставил его в невыгодном свете перед Победоносцевым, в результате чего тот не вступился за него перед великим князем, что пробиться в журналистику проще корыстным и беспринципным деятелям. Филиппов угрожал потратить 2–3 тыс. руб. не на хождение по инстанциям за разрешением, а на подкуп: «Путем взятки я могу быть журналистом, никого не беспокоя. Тогда Победоносцев и Соловьев скажут: “Неизвестно как вынырнул, только не через нас!”»⁷⁴ Разочарование Филиппова в востребованности идейного консерватизма у власть имущих достигло апогея: «...скажу прямо, что убеждений для жизни не требуется. Они не нужны ни Победоносцеву, ни Витте, ни Главному управлению по делам печати, ибо всё в государственном механизме движется по законам, частью писанным, частью определившимся при ходе бюрократической машины»⁷⁵. Филиппов не смог преодолеть с первого раза косность этой машины. 14 апреля 1899 г. М. П. Соловьев сообщил ему, что ввиду прежнего отказа и неизменности условий повторное ходатайство о «Колоколе» даже не будут рассматривать и пересылать в МВД⁷⁶.

На этом история с неосуществившимся изданием «Колокола» закончилась, продемонстрировав сугубое охранительство и осторожность светских и духовных властей: генерал-губернатора, ГУДП, Синода. Специфика личности самого Филиппова в данном случае не сыграла сколь-нибудь значимой роли: к 1898–1899 гг. он еще не успел испортить свою деловую и личностную репутацию, в верхах к нему относились благожелательно и персональных возражений против его кандидатуры в редакторы-издатели ни у кого не было. Неудача с «Колоколом духовным» была обусловлена лишь нежеланием великого князя Сергея Александровича открывать в Москве вообще каких-либо новых газет и журналов, за исключением узкоспециальных. По сходной причине одновременно с рассмотренным проектом не был реализован и еще один крупный издательский замысел Филиппова по публикации его учебника по истории России для церковных школ, уже одобренный предварительно Синодом⁷⁷.

Это была первая серьезная попытка Филиппова основать собственный орган печати, и приобретенный горький опыт отстаивания своей позиции перед цензурой и властями будет востребован им при издании его будущих журналов и газет с 1899 по 1914 г., в том числе «Русского обозрения» и «Дыма Отечества», уделявших большое внимание церковным вопросам⁷⁸. По иронии судьбы название «Колокол» будет носить другая церковная газета 1905–1917 гг., издававшаяся В. М. Скворцовым. Именно с ней в острой полемике об имяславии схлестнется

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 106. Л. 53.

⁷⁵ Там же. Л. 52.

⁷⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Л. 25–27.

⁷⁷ Медоваров М. В. Исчезнувший учебник Алексея Филиппова по истории России // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 4. С. 365–373.

⁷⁸ Медоваров М. В. А. Ф. Филиппов как редактор и издатель (1899–1914 гг.) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. трудов. Вып. 19. СПб., 2018. С. 238–244.

в 1912–1913 гг. «Дым Отечества» А. Л. Гарязина и А. Ф. Филиппова. Это совсем другая страница из истории православной периодической печати в России начала XX в., однако она не была бы возможной без уроков, извлеченных Филипповым из неудачной попытки издания «Колокола духовного».

Список литературы

- Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг.: Библиографический указатель. Т. 2. New York: Norman Ross Publishing Inc., 1998.
- Жилякова Н. В. Первые неосуществленные проекты частных газет города Томска (1860-е годы) // Информационное пространство Тюменской области: сб. научно-практических работ. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. С. 18–27.
- Медоваров М. В. А. Ф. Филиппов как редактор и издатель (1899–1914 гг.) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. трудов. Вып. 19. СПб.: Российская национальная библиотека, 2018. С. 238–244.
- Медоваров М. В. Исчезнувший учебник Алексея Филиппова по истории России // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 4. С. 365–373.
- Мясникова Г. В. Борьба за трезвость на страницах церковной прессы начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9–2 (23). С. 102–106.
- Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX — начала XX веков (историко-типологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.
- Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX — начала XX веков (историко-типологический анализ): дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2010.
- Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.
- Сухова Н. Ю. Рец.: Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: изд-во СПбГУ, 2008 // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2009. № 1(25). С. 119–125.
- Фирсов С. Л. Церковь в Империи: Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ, 2007.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Serii II: Istorii. Istorii Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2021. Vol. 100. P. 47–65
DOI: 10.15382/sturII2021100.47-65

Maksim Medovarov,
Candidate of Sciences in History,
Associate Professor,
Department of Information Technologies
in the Humanities,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
23 Prospekt Gagarina, Nizny Novgorod
603950, Russian Federation
mmedovarov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9921-2219

AN UNKNOWN PAGE FROM THE HISTORY OF THE ORTHODOX PRESS: THE PROJECT OF FOUNDING THE NEWSPAPER *KOLOKOL DUKHOVNY* (1898–1899)

M. MEDOVAROV

Abstract: The history of the Orthodox periodical press in Russia, including the publications of the Holy Synod, dioceses, theological educational institutions, as well as the private press of church orientation, has not been fully investigated. Particularly interesting in this regard is the case of the unrealised idea of the publication of *Kolokol Dukhovny* (“Spiritual Bell”), a newspaper by Aleksey Filippov. This case refers to a rather difficult period in the history of the church press at the turn of the 19th and 20th centuries. The article analyses of the prerequisites for Filippov’s appeal for permission to open his own newspaper. The research is based on archival materials from the collection of the Main Directorate for Press Affairs, as well as from the manuscript fund of Sergey Rachinsky. The article examines the history of the emergence of such an idea by Filippov, the programme of the proposed newspaper, Filippov’s contacts with representatives of the state and the church: Konstantin Pobedonostsev, Sergey Rachinsky, Mikhail Solovyov, Grand Duke Sergey Alexandrovich and other prominent persons. Particular attention is paid to Filippov’s peculiar views on the tasks of the press in general, on the problems of commercialisation and vulgarisation of mass newspapers, and on the “national question” in journalism. His inconsistency and certain hypocrisy in a number of issues are shown. It is concluded that there were no insurmountable obstacles to the resolution of the *Kolokol Dukhovny* (later *Kolokol*) in 1898–1899, but the general reluctance of Grand Duke Sergey Alexandrovich to allow new newspapers in Moscow led to a negative response from the Main Directorate for Press Affairs to Filippov’s petitions. At the same time, Filippov learnt lessons from this situation and later found ways to acquire of newspapers and journals.

Keywords: church press, Main Directorate for Press Affairs, Alexey Filippov, Konstantin Pobedonostsev, Sergey Rachinsky, Grand Duke Sergey Alexandrovich, *Kolokol Dukhovny*, Russkoe Obozrenie.

References

- Andreev G. (1998) *Khristianskaia periodicheskaia pechat' na russkom iazyke 1801–1917 gg. Bibliograficheskii ukazatel'* [Christian periodicals in Russian, 1801–1917. Bibliographic index]. Vol. 2. New York (in Russian).
- Firsov S. (2007) *Tserkov' v Imperii: Ocherki iz tserkovnoi istorii epokhi Imperatora Nikolaia II* [Church in the empire: Essays from the church history of the epoch of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg (in Russian).
- Medovarov M. (2018) A.F. Filippov kak redaktor i izdatel' (1899–1914 gg.) [A.F. Filippov as an editor and publisher (1899–1914)], in *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka: Sbornik nauchnykh trudov* [Book business in Russia in the XIX — early XX centuries: Collection of articles], 19. St. Petersburg, pp. 238–244 (in Russian).
- Medovarov M. (2020) Ischeznuvshii uchebnik Alekseia Filippova po istorii Rossii [Alexey Filippov's lost textbook in Russian history]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki"*, vol. 6, no. 4, pp. 365–373 (in Russian).
- Miasnikova G. (2012) "Bor'ba za trezvost' na stranitsakh tserkovnoi pressy nachala XX veka" [The struggle for sobriety in the pages of the church press of the early 20th century]. *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9/2 (23), pp. 102–106 (in Russian).
- Netuzhilov K. (2008) *Tserkovnaia periodicheskaia pechat' v Rossii XIX stoletii* [Church periodicals in Russia in the 19th century]. St. Petersburg (in Russian).
- Polunov A. (2010) *K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii* [K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. Moscow (in Russian).
- Sukhova N. (2009) Rev. of: Netuzhilov K.E. *Tserkovnaia periodicheskaia pechat' v Rossii XIX stoletii*. St. Petersburg, 2008. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Series I: Bogoslovie. Filosofii*, no. 1 (25), pp. 119–125 (in Russian).
- Zhiliakova N. (2012) Pervye neosushchestvlennye proekty chastnykh gazet goroda Tomsk (1860-e gody) [The first unrealised projects of private newspapers in the city of Tomsk (1860s)], in *Informatsionnoe prostranstvo Tiimenskoi oblasti: sbornik nauchno-prakticheskikh rabot* [Information space of Tyumen Region: Collection of articles]. Tyumen', pp. 18–27 (in Russian).